
Александр Лейченков:

«ВСЕ, К ЧЕМУ Я СТРЕМЛЮСЬ, ПОСТЕПЕННО ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ»

Когда Александр Лейченков, выпускник Шахтинского музыкального училища, поступал в Ростовскую консерваторию, один очень маститый и известный педагог кафедры сольного пения вынес неутешительный «приговор»: петь будет только характерные партии и ноты выше «ля-бемоль» взять не сможет. Но наставник Александра заслуженный артист России Валентин Мостицкий заявил: «Сапа будет исполнять первые партии и с легкостью возьмет „до“!» В итоге на выпускном экзамене Александр Лейченков блестяще спел арию Рудольфа из «Богемы», чья партия – одна из сложнейших в теноровом репертуаре. Председатель госкомиссии отметил, что Александр полностью владеет диапазоном и прекрасно, без надрыва, берет верхние ноты.

На сегодняшний день Александр Лейченков – один из ведущих солистов Ростовского музыкального театра. За время работы певец исполнил почти весь теноровый репертуар. Среди его героев Лыков («Царская невеста»), Горо и Пинкертон («Мадам Баттерфляй»), Альмавива («Севильский цирюльник»), Трике и Ленский («Евгений Онегин»), Орфей («Орфей в аду»), Зиновий Борисович и Нигилист («Леди Макбет Мценского уезда»), Рудольф («Богема»), Альфред («Травиата»), Ваня («Цыган»), Тамино («Волшебная флейта»), Хозе («Кармен»).

Мы попросили Александра Лейченкова ответить на несколько вопросов.

– Александр Викторович, я знаю, что Вы учились в Шахтинском музыкальном училище по классу гитары, но учеба была прервана службой в армии, и там Вы впервые запели. Но из другого источника информации известно, что Вы пели уже на младших курсах училища. Так где же и когда на самом деле это произошло?

– Произошло это даже еще раньше, в подростковом возрасте. Мой отец музыкант, был директором музыкальной школы. Я окончил эту музыкальную школу в 12 лет, по классу гитары. Когда мне было лет 10-11, отец ставил ноты на фортепиано, сборник назывался «Поющие гитары», играл мне, а я пел. Я стоял возле инструмента, и чувствовал себя настоящим певцом, мне очень нравилось. А потом, когда немножко повзрослел, – ну, вы понимаете: переходный возраст – наше музицирова-

ние прекратилось. Прошло какое-то время, и я опять начал петь. Пел под гитару песни Юрия Антонова, тихо и интонационно точно. Как раз в армии я не пел, потому что голоса еще не было. В «учебке» набирали самодеятельный хор, но меня не взяли. А петь по-настоящему я начал уже на последних курсах училища. Пел как любитель. Потом я попал в новочеркасский собор, а там пели уже профессионалы: певцы из Ростова, солисты из военных ансамблей. Там я начал задумываться о профессиональном пении, следить за дыханием певцов, слушать, как они мощно поют. Никогда раньше не встречал людей, которые вот так при тебе, «живьем» красиво пели. Они стали объяснять мне, показывать, как правильно петь, я начал пробовать, что-то стало получаться.

– Между окончанием училища и поступлением в консерваторию прошло семь лет. За это время Вы пели в разных коллективах...

– Еще на последнем курсе училища я был участником казачьего хора, который только что организовался. Это было в то время очень модно, я увлекся, приобрел пластинки с записью хоров донских, кубанских казаков. Позднее решил поехать прослушаться в Ансамбль Донских казаков, мне повезло – меня взяли! Я пропел в Донском казачьем ансамбле три года, а пришел туда, когда мне было 23, было очень увлекательно... В начале 90-х годов начал петь в церковном хоре, сначала Свято-Никольского храма в поселке Октябрьский, затем в Покровской церкви в городе Шахты.

– Помог ли Вам этот опыт в дальнейшем?

– Пение в хоре – это очень здорово для вокалиста. У солиста слух мелодический, «однострочный». Когда вокалист поет в хоре, то он слушает не только себя, но и других. В итоге развивается ансамблевый, гармонический слух. Нужно, чтобы в ансамбле певец пел не сам по себе. Многие наши солистки, певицы театра, оканчивали училище как дирижеры хора, и когда поешь с ними в ансамбле, это уже совсем другое дело, чем петь в ансамбле с людьми без хорового образования.

– А кто навел Вас на мысль поступить в консерваторию именно на вокальное отделение?

– После ухода из Ансамбля Донских казаков я руководил казачьим ансамблем в Шахтах и продолжал петь в соборе. Вместе со мной пел один очень хороший, талантливый певец, будущий мой учитель, Борис Татришвили. Он сам из Тбилиси, преподавал в Тбилисской консерватории, из Грузии он приехал в наши края с семьей, и на время здесь обосновался. Он предложил мне заниматься оперным пением и уверял, что у меня все получится. Я приезжал к нему в Новочеркасск и брал уроки вокала, Борис Татришвили «перековывал» меня после «донских казаков», с их открытой манерой пения. Благодаря ему, я получил вокальную базу.

– Когда Вы начали работать в театре?

– Еще студентом четвертого курса консерватории.

– Вам кто-то посоветовал или это была Ваша собственная инициатива?

– Конечно, я сам стремился петь в театре, но подтолкнул меня к этому шагу мой педагог по вокалу Валентин Анатольевич Мостицкий, в классе которого я проучился четыре года.

– Чувствовали ли Вы, начинающий певец, что можете не только спеть вокальную партию героя, но и актерски воплотить его образ?

– Вот как раз в плане своего актерского мастерства я чувствовал себя увереннее, чем в вокале. Актерская игра давалась мне легко в силу моих природных способностей, которые помогла раскрыть педагог по актерскому мастерству Лидия Григорьевна Мишина.

– С каких партий Вы начинали свою работу в Музыкальном театре?

– Моя работа в театре началась в 2001 году с партии Лыкова в «Царской невесте» Римского-Корсакова, затем были партии Арлекина в «Паяцах» Леонкавалло, Горо в «Мадам Баттерфляй» Пуччини. В 2002 году я спел уже большую партию Альмавивы в «Севильском цирюльнике» Россини, причем я был единственным Альмавива, так же, как и Рудольф и Тамико в настоящее время. В том же году я также спел Россильена в «Веселой вдове» Легара и Трике в «Евгении Онегине». В 2003 году – партии Орфея в оперетте «Орфей в аду» Оффенбаха и Зиновия Борисовича в «Леди Макбет Мценского уезда» Шостаковича.

– Известно, что 2004 год был для Вас весьма насыщенным в профессиональном плане...

– За этот год я исполнил главные партии в операх «Богема», «Мадам Баттерфляй» Пуччини, «Травиата» Верди. А в 2005 я спел Ленского.

– Почти весь теноровый репертуар театра...

– Ну да, хотя я не пою Германа в «Пиковой даме», так как для меня на сегодняшний день это крепковато.

– Всегда ли ваши герои Вам понятны и близки по-человечески или Вы полностью перевоплощаетесь и забываете о себе?

– Конечно, перевоплощаюсь. Герои всегда понятны, потому что пока учишь материал, повторяешь его неоднократно, не одну сотню раз проходишь всю партию от начала до конца, – естественно, вживаешься в образ. При этом не следует забывать и о выполнении задач, поставленных режиссером.

– Находили ли Вы в своих отрицательных персонажах что-либо, вызывающее желание сыграть их? К примеру, Зиновий Борисович в «Леди Макбет»?

– А вы знаете, это как раз не самый характерный пример. На мой взгляд, в этой опере он – самый положительный персонаж, у него нет никаких отрицательных сторон. Он просто мягкий, добродушный, бесхарактерный, любит Катерину.

– А Герцог из «Риголетто»?

– Конечно же, в своих героях такого плана я ищу какие-то положительные моменты. Тот же Герцог

цог – влюбчивый, капризный ребенок, какой часто бывает у богатых родителей.

– *Есть ли такая партия, которую Вам очень хотелось бы спеть?*

– С накоплением опыта растут и аппетиты. Раньше я мечтал спеть Герцога – у него такая красивая эффектная партия. И спел. А вот теперь осуществилась еще одна моя мечта – я исполнил партию Хозе. Это было неожиданным в первую очередь для меня самого. Теперь мне хотелось бы спеть Туридду из «Сельской чести» и Водемона из «Иоланты». Эти две партии мне очень интересны.

– *С кем из дирижеров и режиссеров Вы работали?*

– Из дирижеров я сотрудничал с А. Галановым, он был первым главным дирижером нашего театра, затем с итальянцем Маурицио Донесом, который к нам приезжает время от времени, американцем Робертом Лайаллом, Александром Анисимовым, а сейчас – с главным дирижером нашего театра Валерием Ворониным. Из режиссеров интересно было работать с Сусанной Цирюк, нынешним главным режиссером театра Константином Балакиным, Юрием Лаптевым, который является постановщиком нашего нового спектакля «Кармен», а до этого ставил «Риголетто», и, конечно же, с Юрием Александровым, поставившим «Мадам Баттерфляй», «Цыгана». С этими людьми я развивался. Я считаю, что они отличные профессионалы, незаурядные личности.

– *Всегда ли Вы согласны с режиссером и дирижером?*

– Я знаю, что со стороны режиссера и дирижера в любом случае есть диктат. И сейчас не те времена, чтобы им перечить. Я готовлю партию так, как им нужно, но все-таки вношу долю своего видения.

– *Вы слушаете какие-либо записи признанных мастеров вокального искусства?*

– Записи я слушаю постоянно, причем очень разных певцов. Считаю, что нужно слушать и хороших, и плохих. Очень люблю слушать всем известных теноров – они являются моими незримыми учителями. Например, сейчас, в процессе работы над партией Хозе, я просмотрел запись «Кармен» Metropolitan-опера с участием Хосе Каррераса, какие-то полезные вещи у него «подсматриваю». Сам ничего не достигнешь – нужно брать у таких певцов лучшее.

– *Вы используете метод подражания великим коллегам?*

– Я не копирую их, а подмечаю, как человек строит фразу, как он насыщает ее энергетикой, как преодолевает трудности в партии.

– *Вы вместе с другими артистами музыкального театра были на гастролях в Англии, Германии, Франции, Голландии... Расскажите подробнее о своей гастрольной жизни.*

– Гастрольная жизнь плоха тем, что нужно постоянно держать себя в форме, во всем себя ограничивать для того, чтобы достойно спеть. Приходится разглядывать другие города из окна автобуса. Но гастрольная жизнь дает свой положительный опыт за счет того, что постоянно приходится выступать на разных площадках, подстраивать голос под соответствующую акустику. В результате приходит сценическая свобода.

– *Есть ли различие между российской и зарубежной публикой?*

– Зарубежная публика принимает нас лучше. У них, наверное, меньше голосов от природы, а у нас в этом смысле более богатый край. Мне кажется, там лучше понимают оперу.

– *Выступаете ли Вы в другом, неоперном жанре?*

– Конечно. До сих пор сотрудничаю с Новочеркасской капеллой, прошлым летом мы ездили в Сербию, я пел и оперный репертуар, и военные песни, и сольные партии духовных произведений. Работаю иллюстратором у пианистов в Шахтинском училище и в процессе этой работы накапливаю романсовый репертуар.

– *Что было особенно интересным в работе над оперой «Богема»?*

– Было очень тяжело. Режиссер-постановщик Константин Балакин гонял нас с утра до вечера. Я еле выдержал.

– *А в работе над «Волшебной флейтой»?*

– Я был более опытный и уже так не уставал, хотя нагрузка была еще больше. Придумывал какие-то вещи для себя сам. Партия Тамино мне очень интересна, музыка красивейшая. Хотя нас критиковали с режиссерской стороны, говоря, что партия вялая, нет никакого развития образа. Я считаю, что сам музыкальный образ Тамино спокойный, вся вокальная нагрузка в начале оперы, а в конце он появляется уже реже. Так какая же может быть динамика развития образа?! Это у Хозе явная динамика образа, начинает лирично, но постепенно в его партии накапливается страсть, агрессия – вот и динамика. А у Тамино наоборот.

– Было интересно работать?

– Я даже не думал, что так увлекусь. Это, наверное, самая завораживающая музыка, которая вызывает дрожь по всему телу. Там такие кульминации! Петь эту музыку вполголоса невозможно. А раз я завожусь, значит это нужно петь обязательно.

– Что вам не нравится в современном музыкальном театре?

– Я не приветствую постановки, переносящие действие в другую эпоху. Например, сюжета «Аиды» – во времена Великой отечественной войны. Или другое пространство – когда действие «Волшебной флейты» происходит на Марсе. Я сторонник традиции. Я не люблю, когда режиссер хочет

самоутвердиться, и ставит то, чего нет в музыке. Возьмите, напишите современную оперу и сделайте, что хотите.

– Какие перемены с годами, с накоплением профессионального опыта Вы ощущаете в себе?

– Я отмечаю, что мой голос развивается, оттачивается актерское мастерство. Работы у меня много, все к чему я стремлюсь, постепенно осуществляется.

– Как бы вы сформулировали свой жизненный принцип или цель?

– Вперед! Не сдаваться, несмотря ни на какие трудности, работать и самосовершенствоваться. У меня еще все впереди!

Интервью **Т. Тимошенко**